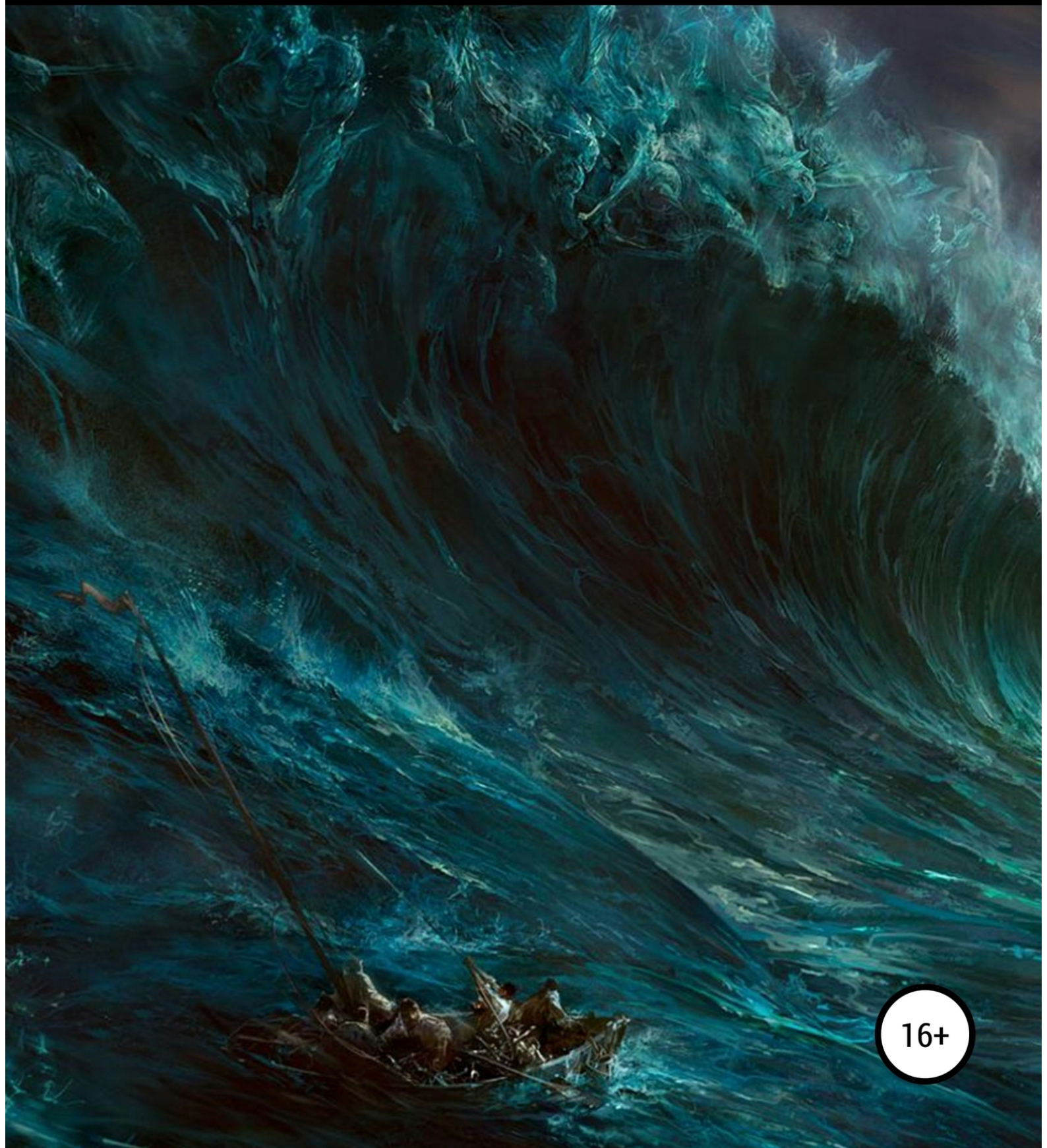

Сергей Соколов

ЧЁРНЫЙ АТОМ

16+

Сергей Соколов

Чёрный атом

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Соколов С. А.

Чёрный атом / С. А. Соколов — «ЛитРес: Самиздат», 2015

ISBN 978-5-532-08155-0

Двадцатый век... «Нулевые» нового тысячелетия... Сколько драматических, порой трагических событий принесло человечеству это время - время мировых войн, политических и религиозных конфликтов, финансовых потрясений, техногенных и природных катастроф. Сколько «мин» для будущих поколений было заложено научно-техническим прогрессом, социальными экспериментами, эрзац-заменителями духовности и культуры... Книга называет виновного, а он... всего лишь свидетель.

ISBN 978-5-532-08155-0

© Соколов С. А., 2015
© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Начало движения	5
Громкое «Ура!», «Ура!», «Ура!»	7
Река горя	10
Жёлтая мама	13
Сталинский маршрут	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Начало движения

1

– Хочешь посмотреть?

Доктор держал крохотный, «похожий на барабанную палочку эльфа», инструмент над белоснежной салфеткой. Затем, едва уловимым движением руки стряхнул соринку с острия, и она, сорвавшись вниз, послушно легла на приготовленное ложе, контрастным чёрным цветом нарушая его белизну.

Мальчик наклонился, чтобы лучше рассмотреть так долго мучивший его «преступный» предмет, увидел крупинку и опознал в ней кусочек угля, прежде чем тот исчез. Исчез под легким дыханием ребенка, и этот факт, словно пронесшейся ураган, навсегда изменил окружающий мир. Пока совсем незаметно, но также неотвратимо и непредсказуемо.

2

Ласковый доктор отчитывал молодую неопытную горничную, взятую «в помещения» из далёкой деревни с неделю назад и теперь смиренно стоящую перед баринном. Руки её беспрерывно оглаживали передник, а виновато-испуганные глаза смотрели в пол. Неизменная накрахмаленная накладка слегка сдвинулась в курчавых смоляных волосах к порозовевшему уху, и девушка не смела её поправить.

Неприятный разговор, несвойственное для доктора занятие – он делал это с неохотой, но провинность девушки была серьёзной: мало того, что она нарушила строжайший запрет заходить в смотровую, но дело могло кончиться пожаром.

– А про лупу ты откуда знаешь? – Доктор решил, что назидательного сказано достаточно и девица, судя по внешнему виду, раскаивается...

– Я, барин, не знаю про... Слова этого... произнесь не могу, срамно как-то...

– Не реви... Слово как слово... Путаешься от страха... Вот это увеличительное стекло, которое ты брала, называется лупа. Тебе известно её назначение? Что ты бормочешь? Не слышу!

– Про стёклышко знаю... Прошлый год к господам студент приезжал, траву ему охапками носили. Так он на неё через стекло смотрел. А ещё бывало, кругляк этот к глазу поднесёт, глаз страшный делается... А ресницы огромные...

– Понравился студент? Ну-ну, вздор потом... Зачем же ты, голубушка, мою ухватила?

На столе, возле прожжённого пятна на зелёном сукне, лежали крупные и мелкие, гладкие и острые, осколки стекла, медная оправка с фигурной ручкой из морёного дуба – всё что осталось от великолепного инструмента мастеров немецкого города Йена.

– Виновата, барин, как есть...

Оказалось, её, в обход запрета, послали прибрать в кабинете, но забыли сказать, чтобы инструменты, боже сохрани, их трогать. Она и не посмела бы, только любопытствовать, а одинокую чёрную пылинку на зеркале с ремешком пожалела почему-то, не сдула. Так на мизинце и донесла её до залитого весенним солнцем окна и... лупу узnanную прихватила, чтобы рассмотреть кроху на прощание и выпустить на волю, в город.

– А после прибираться начала, и почему вода в прозрачном блюдце загорелась – не пойму...

– Не вода и не в блюдце, а Spiritus aethylicus в Петри. Да что там! Сам не закрыл... Ты лупу на окне оставила, а там солнце...

– Верно, барин. Я кинулась, а огонь всё пуще... Испужалась я... Всё на пол летело... Люди сбежались...

На последних словах горничной в дверях кабинета появилась хозяйка дома.

– Если бы не люди, пустила бы ты нас по миру, – с порога зазвучал грубоватый голос. – Неумеха! Ступай, после с тобой поговорю. Теперь при кухне будешь.

Девушка сделала неловкий книксен и выбежала.

– Теперь с тобой, любезный друг!

Доктор соорудил смущенно-непонимающую мину:

– А что с мной...

– Опять за старое???

– Какое старое?

– Вот-вот, молодое, но вполне зрелое...

Громкое «Ура!», «Ура!», «Ура!»

1

Ветер. Ветер – извозчик истории. А сегодня он не какой-то там «ванька», настоящий трёхрублёвый лихач разгулялся над своевольной Невой, над роскошным центром и неприметными окраинами имперской столицы. Играючи он поднимал слежавшуюся пыль с мощёных петербургских улиц, завивал её в столбы, щедро смешивал с дымами печей доходных домов, неспящих заводов, мануфактур и военных кораблей.

Не забыл ветер и про «Овечку», стоящего под парами паровозного монстра. Срывая с высокой трубы чёрное кружево дыма, он разносил его по крытому перрону Варшавского вокзала, вдоль десятка купейных вагонов, по шевелящейся людской массе. Сажа, не выбирая, оседала на крепдешине нарядных платьев, шляпках богатых дам и курсисток, в основном провожающих, и на парадных кителях, на фуражках офицерских чинов, в основном отбывающих.

Грохотал полковой оркестр, фальшивил ужасно на свежей «Прощание славянки», но публика ничего не замечала, была возбуждена до крайности, до состояния – модное слово в светских салонах – экстаза. Все будто поголовно нанюхались патриотического кокаина.

Долговязый гимназист подскочил к семейной паре – статной женщине лет не более тридцати и военного в погонах капитана. Двух девочек-двойняшек держала за руки mademoiselle. Семейство скромно стояло возле чугунной опоры, и, казалось, не принимало участия в общем восторженном подъёме.

Гимназист в порыве единения заглянул мужчине в лицо и крикнул красным ртом:

– Война до победного конца!

Ему где-то ответили: «Ура! Ура!» Вверх полетели зонтики, котелки, фуражки.

– Да-да, – рассеянно произнёс офицер. – Обязательно, до конца... Позвольте, юноша.

Он отодвинул крикуна и вместе с ним всё ликующее общество от своей семьи, желая в последние минуты быть наедине с теми, дороже которых на свете только честь.

– Ты скоро вернёшься. Говорят, война не будет долгой.

– Не уверен... Германия сильна, Самсонову придётся туго...

– Алексей! Милый!!!

Женщина почти упала на мужа, выронила сложенный «Амбре–Помпадур». Девчушки кинулись его поднимать и не увидели, как мама сделалась белой.

А она на несколько мгновений совершенно потеряла слух, и в этой убийственной тишине услышала непонятное «кляц» и... рядом лопнул воздушный шарик.

Дама отстранилась – приступ слабости прошёл, – стала прикладывать платочек к капелькам на лбу.

– Господь – заступник наш... Обойдётся... А медальон, медальон-то...

Мужчина улыбнулся, приложил ладонь к сердцу.

– Достань!

– Что за каприз?

– Достань и открой!

На внутренней стороне золотой крышечки простая надпись «Помни о нас», в углублении – миниатюрный портрет семьи.

Женщина поднесла медальон к своим губам.

– Здесь вся твоя судьба!

Мужчина ответил поцелуем в синюю жилку на виске:

– Как это верно...

2

Литерный поезд – это значит важно и спешно. Потные кочегары без устали махали лопатами, загружали уголь в жаркую топку. Пар чудовищным давлением клонил стрелку манометра к красной отметке, бешено вращал огромные маховики. «Скорее! Скорее! Скорее на войну! На войну, войну...» – отбивали на стыках колёсные пары. Вагоны мотало из стороны в сторону, того и гляди, порвутся сцепки... Россия на сей раз запрягала быстро и, по обычаю, небрежно...

Офицер стоял в проходе вагона у раскрытого окна, курил третью папиросу подряд. Пейзаж давно сменился со столичного городского на захолустный деревенский, а мысли, чувства – душа его – остались там, на перроне...

Сослуживец в расстёгнутом кителе, плохо сохраняя равновесие, одной рукой держал за длинные горлышки несколько бутылок вина, а второй придерживался за курившего офицера:

– Что грустишь, капитан? Брось! Шапками зак–идаем...

Очередная папироса полетела за окно.

– Может и так... Но, думаю, трупов будет предостаточно... Лишь штыков и сабель для победы мало.

Сослуживец не ответил, убрал руку и скрылся в соседнем купе под громкие восклицания пирующих мужчин.

А поезд мчал и мчал на запад, разрывая судьбы миллионов ещё живых людей на неравные части: мир и войну, – уносил в неизвестность и бравое российское офицерство, и курившего капитана, и медальон на его груди, и чёрную крупинку под золотой крышкой.

3

Выбирал, выбирал что бы почитать и выбрал... На имя повёлся... А что имя? Есть паратройка, нет, просто пара приличных вещей, так они общепризнанны, и вкус мой совсем неоригинален. У любого автора есть «ударный текст», всё остальное либо на неразборчивых фанатов, либо для специалистов.

Вот и сейчас: пока скромненько...

4

– Проклятье! У меня постоянно мокро и в сапогах, и в портсигаре... Апч-хи!!! Чёрт бы побрал эти болота, мошкару и русских! У нас в Тюрингии нет ни того, ни другого! Эхе–хе... А Эльза пишет, что... Давай-ка перевернём его на спину.

Два германских пехотинца стояли над русским офицером. Он словно молился, стоя на коленях с непокрытой головой, но его застывшие глаза не обращались к богу – они смотрели вниз на грешную землю. Тело подалось вперёд и не падало лишь потому, что плечом с капитанским погоном упиралось в сосну. На погон уже набежала смола, а по галифе, через ремень, портупею вверх-вниз сновали муравьи. Жизнь одной души оборвалась два часа назад, жизнь других продолжалась.

Один из германцев резким ударом сапога выбил револьвер из руки русского капитана.

– Гебхард, ты что? Он же мёртв, – удивился второй.

– Ну знаешь, на всякий случай. Живучие они... Давай, взялись!

Немного не согласованно, но одинаково не желая испачкать руки кровью, вдвоём повалили рослое тело. Напрасные опасения: кровь была только возле сердца и уже спеклась.

– Я думал, кто-то из наших его достал, а он сам... Барабан пуст? Ну да, последним патроном... Лучше на небо, чем в плен... Азиаты... Как с ними воевать?

Цивилизованные вояки занялись привычным делом: вытряхнули полевую сумку, проверили карманы, осмотрели коченеющие пальцы. Ничего ценного. Обручальное кольцо, разве что.

- Кулак ему разожми. Видишь кулак на левой?.. Что там?
- Крест и медальон. Всё золотое. Слава Иисусу! Эльзе отошлю. Она пишет...
- Удар штыка прервал мародёра.
- Меня не интересует, что пишет твоя Эльза.

Река горя

1

Посетительница показалась хозяину дома знакомой: возможно, он встречал её на ближайшем фломаркте, куда любил заглядывать в поисках ценных, но дёшево продаваемых беднеющими бюргерами вещей; или на улицах родного Мюнхена, ставшими такими беспокойными и с годами невообразимо длинными, по которым ему приходилось добираться до Яковплац, до Главной синагоги. А может он ошибался: у неё типичная внешность немолодой немки – матери семейства – со следами на лице отчаянной борьбы за показное благополучие дома: для таких всегда важнее что скажут соседи, чем канцлер.

Гостья стояла на пороге небольшого кабинета, обставленного добротной мебелью, главными элементами которой являлись, несомненно, кресло возле письменного стола, приспособленное под невысокий рост хозяина, сам стол и изумительной работы золотой набор для письма, в который была превращена найденная в Египте модель ладьи фараона.

Женщина комкала платок, долго не могла заговорить.

– Итак. Фрау?.. – голос, учтиво стоящего перед ей хозяина, был вежлив.

– Аппель. Меня зовут Софи Аппель.

– Итак, фрау Аппель, чем могу служить?

– Я – свояченица герра Нойера...

– Ах, вот как! Герра Нойера, моего соседа...

– Да-да, он... посоветовал... обратиться к вам... герр Куммерман...

Хозяин, догадываясь в чём состоит дело посетительницы, неторопливо зашёл за стол, сел в кресло, положил руки на столешницу и, сцепив пальцы с жёлтыми ногтями, завертел свободными большими, наподобие колёс речного парохода.

– Прошу садиться!

Старый делец хорошо читал в человеческих душах: надо дать гостье выговориться, тогда сделка будет удачнее.

– Я, герр Куммерман, хотела сказать... рассказать...

У меня семья: сыну Клаусу пятнадцать лет, дочери Эмилии двенадцать. За их отца – Гебхарда Аппеля – я вышла замуж в 1902 году. Свадьба была в Берлине, мы оба родом оттуда... Выходила по любви... И он, несомненно, тоже... До сих пор помню, как он меня на только что открытом метрополитене катал... Гуляли... Целовались под липами... Семья не хуже, чем у других... Но бог детей не давал, и только здесь, в Мюнхене родился Клаус... Жили в достатке. Гебхард работал при аптеке, имел приличный заработок, да и характером он не транжира... Задумались о втором ребёнке, и тогда появилась Эмилия... Впереди было семь лет безоблачного счастья... А дальше... Мужа призвали на фронт по мобилизации. Письма приходили из Восточной Пруссии, где он воевал в 8-ой армии под командованием Пауля фон Гинденбурга. Гебхард писал, что здоров, что скоро вернётся, что мы заживём намного лучше, богаче...

Женщина замолчала, слушатель ждал. Рано...

– Он вернулся полтора года назад... Инвалидом без ноги... И совсем другим человеком. Характер у мужа стал скверным, тяжёлым. Похоже, вместе с ногой у него отняли доброту и заботу, общительность и сдержанность – всё, что я в нём любила... Бедные дети... Они не узнавали отца.

Гебхарда никуда не брали, он озлобился на весь мир, стал много пить и перестал искать работу... Посobie? Да, конечно... Мы проживали то, что он привёз с войны... Трофеи, так говорил... Говорил... Муж умер месяц назад от заражения крови – операция по ампутации в полевом госпитале была не совсем удачной и рана вскрылась.

– Я Вам сочувствую, фрау Аппель.

– Благодарю... Положение моей семьи...

Вот оно. Теперь в самый раз.

– Понимаю... На какую сумму Вы рассчитываете?

Женщина зарделась.

– Пятьсот марок... Я почти устроилась в швейную мастерскую к фрау...

– Закон позволяет мне помочь Вам с компенсацией издержек в шесть процентов.

– Я знаю и моя будущая зарплата...

– Но быть законопослушным, не значит быть обеспеченным... И мы с Вами это хорошо понимаем. А раз так...

В руках у ростовщика неожиданно, как у фокусника, появились чистый лист бумаги, перо, и он крупно вывел: двадцать процентов. Не отдавая лист просительнице, показал его издалека.

– Что такое с Вами, фрау Аппель? Вам дурно? Тогда я принесу воды... А кто принёс воды мне, спрашиваю Вас, когда я читал вот этот документ?

Старый еврей устало извлёк из ящика стола какой-то клочок.

– Молодые вежливые люди в спортивных туфлях, с наганами и расплывчатыми печатями на удостоверениях? Так нет... Читайте!

Женщина взяла протянутый листок, начала читать, перепрыгивая со строчки на строчку, беззвучно шевеля сухими губами:

«Исполком фабрично-заводских и солдатских советов Мюнхена, руководствуясь... добровольная выдача ценностей... революционный трибунал... 26 апреля 1919 года».

Она вернула документ.

– Вы ждёте моей жалости? Её не будет. Я пойду, – встала и направилась к выходу.

– Стойте! Вам нужны деньги или нет?

Женщина остановилась, не оборачиваясь на голос ростовщика.

– Трофеи ещё остались?

– Нет! Ничего нет! Вот муж подарил...

С каким-то остервенением она стала расстёгивать ворот блузы, пуговицы не поддавались. «Мой Бог!» – наконец, ворот обнажил дряблую шею. Резким движением женщина сорвала с неё шнурок и нарочито вульгарной походкой подошла к столу, громко хлопнула по сукну ладонью.

– Вот... любуйтесь, герр Куммерман, – и убрала руку.

Опытный еврейский глаз сразу оценил изящество и дороговизну медальона.

– Триста, нет, двести пятьдесят: тут потёртость.

Позже, уже за полночь, оставшись один на один с медальоном, старик вооружился лупой и внимательно рассмотрел ювелирное изделие.

– Да он русский! Клеймо московское! Отличная работа и сохранность. Только потёртость на внутренней стороне крышки немного портит вещь... Ая-яй, герр Аппель... Затёрли что-то и поверх написали «Ich liebe dich». Так-с... И фотографический портрет Ваш, как выражаются в России, развесистая клюква!

Старик пинцетом убрал наложенное сверху изображение кайзеровского пехотинца и... ему открылся оригинал!

– Чистые лица, чистые помыслы... Соринка на военном... Просто сдуть!

В этот момент в дом еврея-ростовщика бесшумно проскользнуло несколько тёмных фигур.

– Ульtima Туле – столица первого континента, населенного арийцами. Они называли его Гипербореей. Гиперборея лежала в те времена в Северном Море и погрузилась в воду в конце ледникового периода. Можно принять, что народ пракоинтента некогда прибыл с планетной системы Альдебарана, являющегося главной звездой в созвездии Тельца. Они – звёздные пришельцы – были гигантами четырехметрового роста, голубоглазыми блондинами с белой кожей. Они не знали войн и не знали вкуса мяса.

В соответствии с имеющимися текстами Туле, гиперборейцы являлись высокотехничной цивилизацией. К примеру, они летали на аппаратах класса Ври–Ил, использовавших для левитации два вращающихся в противоположных направлениях магнитных полях Мер–Ка–Ба.

Когда Гиперборея начала погружаться в Северное море, её жители прорыли огромный тоннель в земной коре с помощью гигантских машин, переселившись в подземелья под регионом нынешних Гималаев. Персы называли это подземное царство Агартти или Арианне, т.е. местом происхождения арийцев. Здесь непременно следует отметить, что выжившие гиперборейцы из Туле разделились на две группы: собственно, Агартти, в честь ее оракула – наследников великих знаний – и Шамбалу, намеривающуюся поработить человечество и устремившуюся на Запад. Идет многотысячелетняя война между Агартти и Шамбалой, которую продолжаем мы, немцы, потомки ариев!

В большой клубной комнате фешенебельного отеля «Четыре времени года», в одной из пяти арендованных оккультным «Обществом Туле», проводилась лекция для новых рукоположенных членов. Около тридцати присутствующих внимательно слушали докладчика, делали пометки в блокнотах.

– Девиз нашего общества: «Помни, что ты немец. Держи свою кровь в чистоте!»

Великая историческая миссия возложена на плечи истинных сынов Германии – пройтить огненным колесом свастики по врагам нации: Вольным Каменщикам и сионистам. Поэтому, я говорю новым братьям и сёстрам: «Привет и победа!»

Присутствующие поднялись с кресел с вытянутыми вверх и вперёд правыми руками. Потом все сели, лекция продолжилась.

В приоткрывшейся двери показалась голова молодого человека, стала выискивать кого-то в комнате. Очевидно, её появления ждали: мужчина в элегантном костюме поднялся с первых рядов и быстро скрылся за дверьми.

– Что там? Говори! – нетерпеливо спросил мужчина у юноши, одетого в несоответствующую роскошному отелю одежду: коричневая кожанка, армейские галифе, сапоги.

– Они их расстреляли. И обезглавили.

– Всех? И графиню?

– Да, секретарь Общества Туле Графиня Хейла фон Вестарп погибла.

– Красная сволочь! Что творят!.. Слушай, Отто... – мужчина заговорил тише. – Как там твои... спортсмены?

– Ждут. Ребята готовы выполнить любой Ваш приказ.

– Не сомневаюсь. Наш фрайкор не слабее других... Нужна акция, громкая... И немедленно! Подбери кандидатуру...

– Понял... Есть сведения о некоем еврее-ростовщике: он финансирует Советы.

– То, что надо... Действуй, Отто!

– Heil und Sieg!

Жёлтая мама

1

Дверь, на матово-молочном стекле которой просвечивала зеркально отраженная надпись «Нотариальная контора Лёффер и сыновья», отворилась широко, даже слишком широко: она достала до подставки для зонтов клиентов. На улице с утра шёл дождь, но из-за отсутствия посетителей подставка непривычно пустовала. Руководство конторы, в лице её владельца Карла Лёффера – юриста в третьем поколении – отменило на сегодня все текущие дела, распустило весь персонал, кроме старшего сына Альфреда, посаженного на место обычного клерка, и пребывало в ожидании важной персоны.

Колокольчик над дверью громко звякнул и почтительно затих. Вошедший мужчина сделал несколько энергичных шагов и оказался на середине приёмной, рядом с напряженно улыбающимся хозяином.

– Здравствуйте, герр Лёффер. Кажется, я наделал много шума? – на породистом ухоженном лице ещё было заметно простодушное смущение, но оно всё больше приобретало знакомое по фотографиям в политических и экономических разделах местных газет выражение: умный, располагающий к себе собеседника, взгляд влиятельного функционера, члена лантага; уважаемого делового человека, с высоким постом в крупной строительной фирме «Нойбау».

– Добрый день, герр...

– О, пожалуйста, не путайте меня с известной личностью. Я – просто Франц Мюллер, и мне пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить в этом журналистов и тех, кто себя за таковых выдаёт, весьма охочих до сенсационных подробностей о визитах в нотариальные конторы. В чём дело, милейший? Зачем Вам понадобился Франц?

– Простите, герр Мюллер... Дело о завещании некоего Куммермана...

Взгляд политика и предпринимателя – сама кротость в сравнении с той холодной глубиной надменного величия, которую увидел на миг в глазах гостя бедный нотариус.

– Нам лучше пройти в Ваш кабинет, – голос сделался тихим и твёрдым, как камень.

Они прошли мимо склонившегося в поклоне Альфреда к боковой массивной двери и скрылись за ней.

2

– Наша нотариальная контора небольшая, но с давними традициями, главная из которых – это безупречность в делах, – является основой доверия клиентов. Карл Лёффнер возился около крупновского сейфа. Наконец, он извлёк папку для документов и небольшой продолговатый предмет, обёрнутый в плотную бумагу с несколькими сургучовыми печатями. Папка была лёгкой, а неизвестный предмет, судя по оставленному им звуку на столе, довольно тяжёлым. Господин юрист уселся на своё рабочее место, но тут же подскочил, услужливо протянул через стол зажжённую спичку, увидев, что разместившийся напротив в широком кресле гость достал сигару.

– Итак? – ароматный дым окутал кабинет.

– Да-да, итак... Вчера, 30 апреля 1929 года, в день десятилетней годовщины со дня трагической гибели Гершона Куммермана, согласно завещанию усопшего, были возобновлены нотариальные действия по исполнению его последней воли...

Называвший себя «просто Францем Мюллером» слушал внимательно, сопоставляя услышанное с известными ему фактами.

«Надёжный источник финансового ручейка, одного из многочисленных, в бескорыстной помощи братству в осуществлении Великого замысла, иссяк десять лет назад в день убий-

ства старика Гершома. Несомненно, это дело рук молодчиков из Оберланда. Они, собственно, и не скрывали, а их паршивая газетёнка подняла тогда лай про справедливое возмездие, делая грязные намёки в нашу сторону... Так завещание всё-таки существует... Интересно».

– ... «В присутствии внука завещателя – Михаэля Лемке, делового партнёра завещателя – Питера Майера, гражданина Соединённых Штатов Америки, а также, высшего должностного лица строительной фирмы „Нойбау“, вскрыть конверт с дальнейшими инструкциями по справедливому решению наследственных прав. Дата: 13 апреля 1919 года. Город Мюнхен. Подпись.» На этом документ заканчивается.

Нотариус отложил в сторону лист, стал выжидательно смотреть на курившего «Мюллера». Тот молчал.

«Питер Майер... Питер Майер... Американец, деловой партнёр... Очень любопытно. Не являлся ли этот партнёр для Куммермана... значит и для нас...»

– Герр Мюллер, я нахожусь в затруднительном положении, как выполнить условия завещания: Михаэль Лемке со своей матерью давно эмигрировали в США; Питер Майер – гражданин США; Вы находитесь здесь, в Германии...

– Я помогу вашей конторе и впредь оставаться безупречной по отношению, подчеркну особо, к благодарным клиентам. Поступим следующим образом...

3

Альфред Лёффер был на вершине счастья. Ещё бы! Оказаться в числе двух тысяч двухсот пассажиров трансатлантического лайнера «Бремен» в его первом рейсе в Нью-Йорк – это казалось невозможным. Но всемогущий господин «Мюллер» устроил всё наилучшим образом, обещая также встречу и содействие Альфреду со стороны представителя заокеанского филиала мюнхенской строительной фирмы.

И вот 16 июля 1929 года молодой нотариус, попрощавшись с отцом и имея при себе из багажа лишь небольшой чемодан и благородный портфель, в котором лежали документы и необычный свёрток из плотной бумаги, вступил на борт двухтрубного гиганта. Прощай, родная Германия!

Но печальные мысли о родине за четыре дня путешествия выветрились из молодой головы, в чём немалая заслуга баров и милашек варьете, уступив место дерзким планам и мечтам. Америка – страна юристов, он не пропадёт. Взять ту же строительную компанию... Столько возможностей, какие перспективы открывало замшелое дело старого еврея! Вот только с английским языком у него слабо...

Под восторженные крики пассажиров и команды они миновали какой-то там маяк: оказалось, лайнер поставил рекорд скорости, и Альфред радовался вместе со всеми, причисляя себя к этому успеху, как будто не развлекался весь рейс, а просидел, не разгибая спину, на вёслах.

Причальная стенка, ликующая толпа, сходни, суматоха... Сколько улыбающихся, но... чужих лиц.

– Молодой человек! Мистер Лёффер! Да постой же, чудак!

Красотка, словно сошедшая с обложки «Vogue»: узкое платье на узких бёдрах едва прикрывало колени и висело на тонких бретельках, перья на шляпке-клош, под ней лишь яркие губы – пыталась в движущейся толпе «выудить» молодого немца.

«Мистер» остановился, как вкопанный.

– Это Вы меня? Вот не думал, что представитель компании...

– Вы должны...

– Ах, да... Мне говорили... Циркуль чертит лишь дугу... Ерунда какая...

– Ерунда бывает опасна... Полный круг, мой ответ... Хелло! С прибытием в Америку, мистер Лёффер! Я – Элис. Идёмте, у меня авто.

Всё так стремительно! Это Америка, дружок.

4

Звуки патефона разносили вакханалию джаз-банда по всему маленькому пансиону и вырывались через открытое окно комнаты №4 на тихую улочку городка Парамус. Слышался гомон нескольких мужских голосов, аплодисменты, смех...

Время было позднее, но хозяйка заведения не смела пресечь веселье молодых людей, арендовавших её меблированные комнаты для, как они выразились, «трогательного прощания с безумной молодостью» их холостого приятеля. Уж очень приличные деньги заплатили они за «небольшое беспокойство».

Она ограничилась вздохом и таблеткой аспирина.

Неудобство чувствовали и в комнате №7. Виноватой за шумное соседство себя признавала, во всяком случае, так она сказала присутствующим, Элис Фишер – официальный представитель строительной компании и организатор встречи по делу о наследстве Гершома Кумеррмана. По её рекомендации в этот отельчик, казавшийся безобидным и уютным, в лучший из имеющихся номеров – седьмой, – поселился несколько дней назад прибывший из Европы немецкий нотариус. Здесь же была забронирована комната для Михаэля Лемке, приезда которого со Среднего Запада ожидали с минуты на минуту. В пользу городка Парамуса говорило и то обстоятельство, что третий необходимый участник – Питер Майер, брокер Нью-Йоркской биржи – проживал с семьёй в собственном доме в двух кварталах от пансионата.

– Простите меня, господа... Непредвиденный случай... Может быть, перенесём встречу?

Мужчины поморщились, но простили молодую привлекательную особу, и переносить встречу не стали.

Внезапно дверь распахнулась. Двое парней в приличном подпитии появились на пороге с глупыми улыбками на красных лицах, с несколькими стаканами на волосатых пальцах и бутылкой бурбона.

– Хелло! Не желаете ли присоединиться?

Они заметили Элис.

– А девочка-то, скучает...

Не давая им войти, коренастый Майер решительно двинулся навстречу молодым нахам.

– Закройте дверь!

– Но-но, папаша!.. Связываться с тобой... Пойдём, Джимми, к нам скоро свои цыпочки прилетят!

Дверь закрылась, но через секунду отворилась снова.

– Я же сказал, вон отсюда!.. О, прошу прощенья, сэр!

Приехал Михаэль Лемке. Все в сборе.

5

– «... Финансовые активы, переданные мной, согласно письменному договору, на сохранение и преумножение Питеру Майеру, другу и соратнику в египетских экспедициях наших, справедливо разделить: организации, чьи идеи Великого строительства, близки моему духу – десять процентов; Питеру Майеру, да благословит Господь его умение – сорок пять процентов; внуку моему, сыну дочери моей Марты, Михаэлю – сорок пять процентов и семейную ценность, а именно, золотой письменный прибор с надписью «Река жизни – река горя и радости». (Прим. нем. Kummer, горе)

С болью в сердце говорю об особых условиях: если на момент оглашения воли моей одного из названных людей призовет Господь, то часть наследства, предназначенная несчастному, отойдет оставшимся в равных долях; если оба в бозе почили, всё отдаю в полное распоряжение братства для довершения храма Соломонова. Падения организации этой не допускаю.

Ищите и найдите покой. Подпись».

Наступила гробовая тишина. Даже патефон, скребнув по пластинке, затих. Лица, словно застывшие маски японского театра Но, выдавали эмоции каждого из присутствующих: у Элис Фишер маска ханья – разгневанной женщины; у Майера маска цура – задумчивость и озабоченность; у Михаэля маска отобидэ – удовлетворённая справедливостью; у Альфреда Лёффера маска отафуку – маска счастья, вызванного окончанием дела.

Это продолжалось короткое мгновение: все заулыбались, кто искренне, кто тайком скрепящая пальцы.

– А о какой сумме идёт речь? – Михаэль искал глазами ответ у остальных.

Элис подала голос:

– Спросим у мистера Майера, конечно.

Питер Майер неторопливо прикурил сигарету, затянулся, выпустил несколько колец сизого дыма.

– Считайте...

– Неужели... Миллион? – Альфред радовался как ребёнок, комиссионные получались очень даже...

– Почти... Согласно налоговой декларации за прошлый год, девятьсот двадцать тысяч долларов в акциях. В основном, автомобилестроительных компаний.

Элис Фишер едва заметно кивнула: озвученная цифра соответствовала собранным данным.

– Господа, налейте же по бокалу шампанского! А я... на минуточку. – сказала она, подхватила ридикюль и выскочила из комнаты в коридор.

Быстрым шагом спустилась вниз, к телефону возле служащего пансиона – то ли портье, то ли сторожа. Набрала номер, ей быстро ответили, она произнесла «десять», затем «да» и положила трубку. Уже не спеша достала из ридикюля помаду и не глядя подвела пухлые губы ярко алым цветом.

6

Михаэль облокотился на стол, сжимал ладонями разгорячённые щёки. Перед ним стояла золотая ладья фараонов, переделанная дедом в письменный прибор. Пера, правда, не было, но чернильница имелась: сундук на палубе у ног фигурки царя. Михаэль с трудом приподнял его крышку. Затхлый запах остатков чернил и пыль – вот и всё его содержимое. Но было ещё кое-что.

«– Где твоё золото, фараон?

– Меня ограбил твой дед!

– Ты простил его?

– Нет! Нет! Нет!

Вот тебе и дедушка Герши, набедокурил в молодости с... компаньонами».

Однако, материальное положение простого сельского учителя, преподающего десятку оболтусов немецкий язык, вплоть до сегодняшнего вечера оставалось крайне затруднительным и не позволяло полностью принять сторону обиженного фараона. Теперь другое дело, завещанные дедом деньги навсегда изменят жизнь внука, в которой найдётся место и совести, и благотворительности... Вот только бы перехватить где-нибудь четвертак!

Так рассуждая, Михаэль решил обратиться к немцу.

Запирая и отпирая комнату, невнимательный учитель совсем не замечал отличие своей фигурной дверной ручки от остальных... Да и какое это имеет значение?

«Сильна молодёжь – ещё гуляет. И девицы появились...»

Он прошёл мимо шумного номера с приоткрытой дверью, встал напротив комнаты нота-риуса, постучал... Ответа нет или не слышно. Ещё раз... Проклятый патефон!

Михаэль, нажав на ручку, толкнул дверь в темноту комнаты.

В этот момент его, то ли входящего, то ли выходящего окликнул ночной портье. Он появился снизу с телефонным аппаратом в одной руке, трубкой в другой и длинным-предлинным проводом. «Сервис, что ни говори...» – подумал Михаэль.

– Мистер Лемке, Вас просят к аппарату!

Портье услужливо ждал, когда мистер Лемке закроет дверь, поговорит по телефону, может отблагодарит чаевыми...

– Это срочно?.. Договор?.. Ладно... До встречи.

Ночным сквознячком в коридор из номера пьяной компании вынесло пёрышко от боа.

7

– Как Вам Элис? Ничего себе штучка! Я возьму сигаретку?

– Берите, Лемке... Я не в том возрасте, чтобы бегать за юбками.

– Бросьте, вы вместе вышли от нотариуса.

– Это Вы бросьте. Я отвёз её на автобусную станцию.

– Зачем? Кажется, у неё есть «ДеСото»

– Почём я знаю?... Выходите!

– Здесь же пустырь!

– Здесь везде пустыри и помойки...

Они вышли, встали рядом под светом фар.

– Собственно, зачем Вам мой экземпляр...

– Необходимо сравнить с моим... Есть сомнение, его необходимо устранить... Давайте, давайте, не бойтесь!

Майер держал в руках два тоненьких листка, делая вид, что читает давно выученный текст. Со времён его последней совместно с Гершомом египетской экспедиции, он мечтал, уничтожить договор с подельником и единолично распорядиться немалой суммой. А сейчас есть прямая угроза лишиться чуть ли не половины нажитого... План возник мгновенно: уничтожить бумаги, устранить Лемке, нотариус уедет в свою Германию, а со... строителями он договорится.

Брокер не сдержался, в ярости стал рвать листки.

– Что ты делаешь, сумасшедший?!

Михаэль набросился на брокера. Ключки разорванных документов разлетелись по пустырю, смешались с мусором.

Нож блеснул в руке Майера, но навыки бурной молодости оказались утерянными, и более проворный противник успел увернуться. Второй попытки не последовало: после сухого звука выстрела пуля попала старику в затылок. Он повалился на Михаэля, сполз к его ногам.

Сельский учитель едва не подвинулся умом от всего произошедшего и без оглядки бросился бежать. Он уже не видел, как кто-то склонился над трупом Питера Майера.

8

Распроставшись с Майером у автобусной станции, Элис наискось перебежала прилегающую площадь и вскочила в своё авто, припаркованное в укромном месте за летнем кафе. Она гнала во весь дух, время поджимало. Наконец, за следующим поворотом вот-вот должен показаться пансион.

Автомобиль тормознул, накрывая облаком пыли стайку девушек, судя по манерам, облегчённого поведения.

Элис метнулась к ним.

– Скорее! Давайте, скорее! Парик... Так! Юбку, юбку другую... Боа... А-га! Помаду сотрите!... Хорошо! Пошли!

Они подошли к пансиону, громко и развязано разговаривая, присоединяя свои голоса к ревушему патефону.

– Эй, парни! Заждались?

9

Детектив-следователь местного агентства, впереди целого скопления людей, стоял в дверном проёме комнаты №7.

Отсюда была видна часть кровати, на ней мужские ступни: одна в чёрном носке, другая босая.

Полицейский прошёл вглубь комнаты. Привычная картина обычного убийства. Молодому мужчине в пижаме перерезали горло. Личные вещи гигиены не тронуты. В портмоне около сотни долларов и немецкие марки. Дорогой портфель пуст. Паспорта нет. Осталось выяснить, кто убийца и пойти на бейсбольный матч.

– Он у вас отметился?

– Конечно. Сейчас принесу книгу, – откликнулась хозяйка.

– Не надо. Сам спущусь... Боб! Где ты? Можешь приступить.

10

– Кто приходил к господину Лёфферу?

– Как он заселился, никто. А вчера вечером сразу двое: сначала молодая особа к нему поднялась, чуть позже – пожилой джентльмен, Питер Майер. Живёт он неподалёку отсюда. И охота людям на бензин тратиться.

– Это все?

– Нет, господин полицейский. Постоялец новый не успел появиться вечером, как сразу о нём поинтересовался.

Карандаш детектива делал отметки в блокнотике.

– Ясно. Скажите, мэ, кто и когда выходил из отеля?

– Не знаю. Я спать пошла, но какой сон при таком шуме.

– Шуме?

– О! Сопляки гуляли половину ночи! Спросите Джо, он расскажет!

Детектив жестом подозвал сторожа.

– Вопрос слышал? Повторяю: кто и когда выходил из отеля?

– Так я с радостью... Около двенадцати вышел мистер Майер с красоткой. Ну те, из седьмой. Сели в авто и укатили... А потом жилец новый... В котором же часу? Проститу..., извините, дамочки в четвёртую в половине первого появились... Ну, значит, этот около двух вышел. А в сторонке автомобиль-то его и поджидал, сообщник, наверное...

– Почему сообщник?

– Да потому, что жилец немца и убил!

Вмешалась хозяйка:

– Так уж и убил... Скорее девица со стариком постарались.

– Нет, после них живой он ко мне за аспирином приходил... Пока понял, что хочет...

– Так, тихо! – прервал обоих полицейский. – Лучше скажи... Как тебя? Джо! Когда компания разошлась?

– В три с мелочью... Убил, говорю... Факты есть!

– Ну, смотри, Джо, я в блокнот записываю...

– Пишите... Позвонили жильцу. Мужчина. Я телефон во вторую комнату понёс. А он от немца как раз и выходит. Поговорил, прыг в машину и гуд бай. Теперь не сыщется...

– Как зовут постояльца?

Михаэль Лемке. Да вот он идёт!

11

«На бейсбол я опоздал, а убийство... Вернее, убийства... Его рук дело, Лемке... Свидетель подтвердит свои показания: выходил Лемке из номера заезжего немца. А главное, орудие убийств – нож с фигурной ручкой обнаружили поблизости от обезглавленного трупа Питера Майера, на пустыре... Башка не нашлась.. Зато, на ноже пальцы Лемке... Парень влип по полной... Не проффи... Двойное убийство – это „жёлтая мама“ – электрический стул... Боже, храни Америку».

12

На стол «просто Франца» легла телеграмма из Нью-Йорка и стопка вечерних газет.

Текст телеграммы был короток и непонятен: «Циркуль чертит полный круг. Элис», а газеты от 18 октября 1929 года сообщали новости с Нью-Йоркской фондовой биржи...

Сталинский маршрут

1

Сидящий за столом мужчина вдруг закашлялся, прикрывая рот рукой и отворачиваясь в сторону от пишущей машинки, но на заправленный в каретке лист всё равно попала мокрота. Мужчина достал из кармана пиджака платок, приложил к губам. Взглянув на оставленные кашлем следы, со вздохом проговорил:

– Доконает меня эта наша американская поездка... Обострилось всё... Ладно, это после... Послушайте лучше, что я тут написал... А-га, вот...

«... В одном из дворов мы подошли к одноэтажному глухому кирпичному дому, и помощник начальника собственноручно отпер двери большим ключом. В этом доме по приговорам суда штата Нью-Йорк производятся казни на электрическом стуле.

Стул мы увидели сразу

Он стоял в поместительной комнате без окон, свет в которую проникал через стеклянный фонарь в потолке.

Мы сделали два шага по белому мраморному полу и остановились. Позади стула, на двери, противоположной той, через которую мы вошли, большими черными буквами было выведено: «Сайленс!» – «Молчание!»

...На этом стуле были казнены двести мужчин и три женщины, между тем стул выглядел совсем как новый.

...Это был деревянный желтый стул с высокой спинкой и с подлокотниками. У него был на первый взгляд довольно мирный вид, и если бы не кожаные браслеты, которыми захватывают руки и ноги осужденного, он легко мог бы стоять в каком-нибудь высоконравственном семействе. На нем сидел бы глуховатый дедушка, читал бы себе свои газеты.

Но уже через мгновение стул показался очень неприятным. Особенно угнетали отполированные подлокотники. Лучше было не думать о тех, кто их отполировал своими локтями...»

Ну, как, Женя, Вы это находите?

– Иля, по-моему, хорошо, – ответил второй мужчина.

– Я думаю, не упомянуть ли несколько имён казнённых в Синг-Синге. Помнится, помощник начальника называл Харриса А. Смайлера – первого в списке, уж не помню, за что; Михаэля Лемке в 1929 году – двойное убийство, гангстеров каких-то...

– Нет, Иля, не стоит: советскому читателю эти имена ничего не скажут... Хотите я продолжу печатать, а Вы отдохнёте?

2

В дворянских апартаментах, некогда шикарных, а ныне поделённых без какого-либо осмысленного порядка фанерными перегородками, шеф-редактор молодёжки занимал узкую комнату, опрометчиво называемую некоторыми безответственными остряками газеты «слепой кишкой». Дело в том, что единственное окно, с однажды заклеенными на зиму двойными рамами и наглухо задернутыми малиновыми шторами, не пропускало внутрь ни единого звука с улиц миллионной Москвы, наполненных крикливыми автомобильными гудками и непрерывным гулом людского потока. Определить, какое снаружи было время года и время суток, сотрудники, вызванные «на ковер», достоверно не могли. Им всегда казалось, что там зима и ночь.

Сам шеф ориентировался, похоже, по свежим номерам центральных изданий, не допуская отклонений курса вверенного ему коллектива из колеи текущего момента...

Вот и сейчас он водил глазами по строчкам короткой заметки, держа в толстых пальцах красный карандаш. Карандаш то и дело что-то подчеркивал, ставил жирные вопросы, с угрозой нависал над беззащитными словами и фразами.

– Слабовато, товарищ Травин... Ритм рваный, повторы... Эмоции подминают фактический материал... Да и сами факты... Неужели, пришло столько народа? И к Клубу писателей, и на кремацию? Литература-то... его и второго... как посмотреть...

– Их произведения талантливо и будут читаться и перечитываться внуками сегодняшних детей. Я считаю... Да что я... У гроба стояли Фадеев, Олеша, Катаев, Славин... Литераторы, художники, композиторы, артисты, киноработники... Два дня шли люди: и простые, ничем не знаменитые, и орденосцы, Герои Советского Союза.

– Понятно-понятно. Вы мне свою заметку не цитируйте. Лучше покажите фотографии...

Редактор стал придирчиво рассматривать каждый снимок из пачки довольно внушительного вида.

– С «лейкой» Вы обращаться умеете... Это кто?

– Это Валерий Павлович Чкалов.

– Чкалов? – с сомнением переспросил ответственный товарищ, – Совсем на себя не похож. Размякший, сгорбленный...

– Разве герой обязан быть бесчувственным истуканом. Разве...

Начальник, смотря косыми с рождения глазами одновременно и на подчиненного, и на портрет лучшего друга всех газетчиков, холодным тоном перебил молодого журналиста:

– Герой Советского Союза – это прежде всего знаменосец на передовой линии жестокой классовой битвы, пример стальной воли для трудящихся масс и подрастающего поколения... Не забывайте, комсомолец Травин, что мы молодежная газета.

– Но Чкалов, как никто другой, доказал...

– Я понимаю причину Вашей горячности: вы давно знакомы. И всё же, эту фотографию вместе с негативом следует уничтожить, а заметку переписать. Это приказ. Ко мне через полчаса!

У журналиста на скулах передёрнулись желваки. Он снял с широкой переносицы очки, стал протирать толстые стекла клетчатым платком. Стекла очистились, а черная соринка, застрявшая ещё днём в круглой оправе, осталась.

3

«Переписать... А что тут переписывать? Факты изложены верно, настроения людей схвачены правильно – порыв, скорбь... и благодарная тишина... Стиль изложения не нравится... Так я не Вася Круглов, который всегда напишет гладенько без уголочков, а случись пробуксовка, так пустоту быстренько прикроет подходящим лозунгом... Многостаночник... А диафрагму толком выставить не может... Гриппует – пусть гриппует... Тогда не взыщите, товарищ редактор, как умею...»

Что правда, то правда... Сергей Травин, двадцати шести лет отроду молодой человек, разбирался в тонкостях репортёрских приёмов хуже, чем в технике, страсть к которой он испытывал с молодых ногтей.

Всё, что по воле человека как-то крутилось или тикало, светило или грело, плавало или, что особенно, летало, интересовало мальчишку необычайно, завораживало смелостью замысла, пленяло красотой воплощения. Ночами ему снились удивительные механизмы, которых ещё не существовало, их следовало придумать, и днём он рисовал могучие контуры.

Уже будучи подростком он знал наизусть марки автомобилей, легко отличал серии паровозов, прекрасно разбирался в конструкциях аэропланов. Вырезки из газет, выключенные фотографии, собственные зарисовки – всё аккуратно клеивалось в объёмные альбомы, порой в ущерб детским подвижным играм.

Были и друзья – Сережу любили за весёлый, общительный нрав, – но его считали чудаком. Подростку казалось, что сверстники и большинство взрослых, не ценят машины, не испытывают благодарности за их бескорыстное служение, видят в них лишь коптящие и грохочущие чудовища. Мальчишке хотелось справедливости, хотелось встать на защиту, хотелось крикнуть: «Вы не правы! Вы только послушайте меня!»

Спустя годы, в сложившихся обстоятельствах мучительного выбора между добровольным уходом и полужизнью, Сергей Травин начал писать, и соломинка – детская увлечённость – переломила хребет отчаянию. Строчка за строчкой... Шаг за шагом... Год за годом... Тогда он выкарабкался...

Однако, сочинительство оказалась вовсе непростым делом, и успехи в популяризации технических новинок оставались скромными.

Всё изменилось с письмом из столицы.

Редакция журнала «Техника – молодёжи», ставшего к 1935 году образцовым идейным пропагандистом технических достижений Страны Советов, в адрес которого Сергей настойчиво присылал незрелые очерки и обзоры, вдруг предложила ему штатную должность собкора. Радости у начинающего журналиста не было предела, и он, конечно, согласился на переезд в Москву. Одновременно с обретением постоянной работы, Сергей Травин с легкостью сдал вступительные экзамены на моторостроительный факультет Московского авиационного института, для обучения, как говорится, без отрыва. Отрываться он и не планировал, но... Но однажды выяснилась причина его неожиданного трудоустройства: коллектив проявил чуткость, граничащую с жалостью. Сергей был благодарен ребятам, но из журнала ушёл.

Одно потянуло другое: деканат факультета мог потребовать справку с места работы, Сергею грозило отчисление. С трудом тот устроился в газету калибром поменьше, сумев убедить шеф-редактора создать колонку «Красный маховик», в политически выверенных целях приятия трудящейся молодёжи технической грамотности.

С тех пор, вот уже два года, в деревянном ящичке у кадровика молодёжки хранилась анкета обычного парня, с ничем не примечательной записью в биографии с 1930 по 1934 годы – Психоневрологический институт им. В. М. Бехтерева, санитар. Причём тут жалость?

Сергей, действительно, под присмотром врачей, проработал санитаром год, последний год в нескончаемой череде больничных будней, когда заново осознал собственное существование; когда научился самостоятельно одеваться, есть, ходить; когда вместо слов перестал издавать кашляющие звуки; когда ушла боль и вернулась память... Чтобы уже не забывать.

...Основной парашют не вышел, но курсант был спокоен и сосредоточен: за плечами с десятков прыжков, вызубренные наставления опытного инструктора, долгие тренировки на земле. Доведённым до автоматизма движением он выпустил запасной. Змейкой тот ушёл вверх, стал нехотя наполняться воздухом... Скорость падения уменьшилась, но всё ещё была смертельно опасной... Что-то не так... Чёрт! Три стропы свились в одну, не давая парашюту раскрыться полностью... Как близко земля! Уже чётко различимы фигурки людей, бегущих к одной точке: там, в цветущих васильках, его ждала смерть... Нож! И резко по стропам... Купол на несколько секунд вздохнул свободно, потом обмяк, накрывая шёлком тело курсанта.

Смерть бродила около людей, плотным кольцом стоявших над Сергеем: они не пускали её.

Переломанный парень был в сознании, узнавал товарищей по планерной школе, её руководителя, наклонившегося над ним и кричавшего матерно:

– Медики, б... Где медики?

– Всё... хорошо... Валерий... Павлович...

– Конечно, парень, конечно... Как тебя зовут?

Вокруг послышалось: Серёга, Сергей Травин, Серёжка...

– Держись, Серёжа! Вот, уже едут, родимые!

Смерть не дождалась и по затоптанным цветам отступила.

4

Журналист Травин задумчиво крутил в руках фотоснимок, забракованный шеф-редактором.

Да, при таких драматичных обстоятельствах они познакомились, даже сдружились, хотя виделись крайне редко: Чкалов вскоре был направлен на лётно-испытательную работу в Москву; курсант Травин, стал пациентом Бехтеревского института. Но так бывает: люди не видятся годами, живут собственной жизнью, почти забывают друг друга, а встретятся, как будто не расставались, и дружба от того ещё дороже.

– Негатив снимка уничтожу, а фотокарточку – ни за что! – решил Сергей и спрятал её в нагрудный карман.

– Так-с! – журналист хлопнул в ладоши, поправил очки: зрение в полной мере чудо-врачи восстановить не смогли, более того, оно ухудшалось.

– Приступим! А то мне ещё в институтский «Пропеллер» статейку дописывать.

В этот момент он заметил курьера, проскользнувшего в «слепую кишку».

5

– Товарищ редактор, полчаса еще не прошло и я...

– Садитесь...

Холодными глазами начальник ощупывал Сергея с тщательной подозрительностью служебной собаки.

– Прежде, чем ознакомить Вас с документами, – рука придавила картонную папку с развязанными тесемками, – я предупреждаю о персональной ответственности комсомольца Травина перед рабоче-крестьянской законностью за неразглашение доверенных ему сведений.

– Клянусь!

– Не паясничайте!!! Дело серьезное...

Документами оказались фотокопии двух писем с вымаранными отдельными словами и целыми предложениями, без подписей, дат и написанных разными почерками. Но смысл и факты были схожими.

Сергей отложил фотокопии в сторону.

– Это страшно...

– Не паникуйте! Нам поручено, – лицо шефа окаменело, – отреагировать на письма комсомольцев с мест. Вы направляетесь в Саранск.

6

В первых числах мая месяца 1937 года, ранним пасмурным утром, Сергей сошел с подножки пассажирского вагона поезда Москва – Саранск. Сошел – определение неточное: его буквально вынесла на перрон толпа прибывших пассажиров одинаково неопрятного, помятого вида с мешками, узлами и чемоданами, висевшими на плечах связанными парами. У других вагонов наблюдалась та же картина – поезд буквально опустел. Толпа в массе своей ринулась в едином направлении и, не рассыпаясь, замерла неподалеку от вокзала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.